

А.М. Ампер

Очерки Севера

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

A11 **А.М. Ампер**
Очерки Севера / А.М. Ампер – М.: Книга по Требованию, 2012. – 110 с.

ISBN 978-5-4241-5478-2

ISBN 978-5-4241-5478-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

зелени и на которыхъ какъ бы плавають лѣса, насплощія сѣверныя лагуны, которыхъ характеръ споль пихъ и мечшашелень и которме, въ сравненіи съ другими спранами, по же самое, что пихіе и печальныя весенніе дни въ сравненіи съ другими днями года.

Ничего подобнаго не находишь по дорогѣ Спральзундской, по которой я вѣхалъ, чтобы съспъ на корабль въ Грейфсвальдъ. На лѣ опъ Берлина покидаешь мостовую и погружаешься, часто безъ проложенной дороги, въ пустыню. Печальная и удивительная спрана! по ѣдешь по песчанымъ неизменноспамъ, проходящимъ на мѣспа, оставленнымъ моремъ, по проѣзжаешь по неизмѣримымъ лѣсамъ гигантскихъ березъ и пихнъ; нопомъ, вдругъ встрѣчаешь въ эшой пустыни хлѣбныя поля, какъ въ Босъ (la Bause), или дуга, какъ въ Нормандіи. У рѣкъ нѣшь крутыхъ береговъ, нѣшь наспощаго русла; онъ лѣниво капающа по песку почвы въ уровень съ почвою; никакой пригорокъ не означаешь ихъ близоспи; долго ѣдешь вдоль эшихъ рѣкъ, не замѣчая ихъ; вдругъ видишь, посреди пихнъ возвышающа мачта, сквозь лѣспья бѣзаетса парусъ.

Гдѣ-гдѣ съ удивленіемъ встрѣчаешь деревни, чиспенькія, предспавляющія спокойный характеръ благососпояніа въ особенности нравспвеннаго, который Нѣмцы обозначаютъ словомъ *heimlich*. Часто даже, въ опдаленіи опъ жилищъ, видишь какъ бы садикъ, разведенный у дороги, кущы лилій, жонкилей и по средия

лавку для пупниковъ. Все это показываетъ какъ-то природное благоволеніе и родъ низшаго воображенія, весьма обыкновеннаго въ низшихъ классахъ въ Германіи. Эпи добрые люди какъ бы спыдаются печальныхъ мѣсць, въ которыхъ живутъ они; подумаешь, что они стараются хоть немножко ихъ украсить, какъ бы для того, чтобы извиниться передъ иностранцами, что принимаютъ ихъ въ такой дурной землѣ.

Я готовился переплыть Балтику и вступилъ въ Швецію; мнѣ весело было думать, что пароходъ перенесетъ меня въ полъ-сушокъ на землю Скандинавскую.

Мы съѣли на пароходѣ 18 числа, въ чешыре часа по полудни; погода была прекрасная. Балтика была тиха и голубовата, какъ будто Средиземное море. Мы видѣли, какъ солнце легло за оспровомъ Рюгеномъ, и нѣсколько часовъ шли вдоль бѣловашаго, крушаго берега этого острова, изрытаго довольно глубокими заливами и увѣчаннаго деревьями.

Оспровъ Рюгенъ пользуется въ Германіи нѣкопорою знаменитостію. Это родъ образика и передоваго поспа Скандинавіи. Тутъ находишь ея озера, ея буковые и пихповые лѣса, ея опивъсныя берега, ея курганы, которые народъ называетъ могилами Гунновъ (Hünen-Gräber). Гунны и Алпшила почти вездѣ оспавили по себѣ память. Въ Швейцаріи (*) часно приписываютъ

(*) По дорогѣ изъ Ушперсена въ Лаушербрунентъ

Аппинль древнія обрушенія горъ, великіе безпорядки природы, шакъ какъ Цесарю оспашки становъ, укрѣпленій, а Карлу V церковныя зданія. Спрашная судьба нѣкошорыхъ именъ: они живупть въ народѣ и имъ приписываюпть все, чего происхожденіе неизвѣстно. То же самое на Востоку съ Александромъ и Соломономъ. Такъ въ окрестностяхъ Неаполя все сдѣлано Виргиліемъ, котораго народъ почитаешъ великимъ волшебникомъ.

На оспровѣ Рюгенѣ Христіанская Религія распространилась весьма поздно; она укоренилась шамъ уже при Вальдемарѣ I-мъ, въ XII столѣтїи. Въ это время Рюгенъ былъ населенъ народомъ Славянскаго происхожденія; этопъ народъ сдѣлался спрашнымъ своею неуспрашимошю и своими разбоями на морѣ; главный богъ его назывался Свановишомъ. Наконецъ этопъ народъ, послѣ мужеспвенной зашщы, былъ подавленъ соединившимся Даншанами и Померанцами. Адмираломъ флота побѣдителей былъ знаменишый Архіепископъ Абсалонъ, пошому что у народовъ Скандинавскихъ, которыхъ спикія море, духовные сановники были моряками, шакъ какъ въ другихъ мѣспяхъ воинами.

Вошъ спрашное событіе, показывающее, что ушановленія не уничтожаюптся, даже хопя цѣль имъ предназначенная и измѣнилась; земли, кошо:

ешъ ошвѣсныя скалы, называемыя басшіонами Аппинлы. *Прим. Авт.*

рыми владычи жрецы Свановина, были впоследствии превращены въ Каноническія пребенды, а нынѣ приписаны къ чешыремъ Пропеспаншскимъ приходомъ оспрова Ригена и соснавлиють доходъ ихъ.

Довольно пріятно и довольно рѣдко случается вдругъ очутившись въ новой странѣ. Я имѣлъ это удовольствіе. При наступленіи ночи я заснулъ крѣпкимъ сномъ. Часовъ въ шесть утра кто-то дернулъ меня за руку и сказалъ мнѣ: »Вы въ Швеціи! Я бросился на эпошь новый берегъ. Все было не то. Другая природа, другой языкъ, другіе люди! Предъ глазами моими было новое для меня зрѣлище Шведскаго города съ разноцвѣтными домами. Одежда поселянъ, порода ихъ лошадей, форма ихъ шельжекъ, все было отлично отъ того, что я видѣлъ наканунѣ. Нѣсколько часовъ сна онидѣлали меня отъ Германіи и она уже вдалекѣ бѣжала отъ меня. Небо, вчера еще споль голубое, было пускло и блѣдно; воздухъ казался мнѣ холоднѣе прежняго, можешь быць поному, что мнѣ очень хотѣлось чувствовашь, что я въ Швеціи. Не знаю, но Баллика казалась мнѣ гораздо болѣе дикою и печальною, съ нѣхъ поръ, какъ я смопрѣлъ на нее съ Севра.

Первыя человѣческія фигуры, видѣныя мною въ Швеціи, были при мапроса, которыхъ свѣтлорусые волосы, свѣтлоголубые глаза, блѣлая кожа, массивное шѣлосложеніе, медленныя, связныя шѣлдвиженія, неизмѣнное хладнокровіе, предспа-

вѣли мнѣ при самомъ прибытіи моемъ, разительный обрачикъ Скандинавскаго первообраза. Они перенесли мои вещи въ пракпирь и просили за это 15 шеллинговъ. Это требованіе было весьма умѣренно, пошому что Шведскій шеллингъ стоитъ нѣсколько менѣе су; но я, не зная Шведской монеты и думая объ Англійскомъ шеллингѣ, вообразилъ себя, что они просятъ санцикомъ много и разсердился. Такъ какъ я сердился по-Нѣмецки, то они не понимали моего гнѣва и хладнокровно возобновляли свое пребываніе. Наконецъ наемный слуга, знавшій нѣсколько по-Нѣмецки и, за неизвѣдемъ лучшаго, служившій переводчикомъ, прекратилъ это недоразумѣніе. Машросы ни сколько не гордились тѣмъ, что они правы, получили, что требовали, и спокойно ушли, какъ будто между нами и не было спора.

Шведскіе дома имѣютъ видъ чистый и простой, весьма пріятный для глазъ. По всеобщему обычаю въ Швеціи, который посреди городовъ кажется какимъ-то Альпійскимъ щегольствомъ, на полахъ вездѣ набросанъ пихтеникъ, издающій пріятный и здоровый запахъ. Я началъ знакомиться съ обычаями Шведскаго стола, съ *кнаккебродъ*, хлѣбомъ весьма похожимъ на сухари, и къ кошорому я безъ труда привыкъ; и съ древнимъ обыкновеніемъ *суппа*, какой-то пригоготовительной закуски, состоящей изъ масла, солонины и водки, кошорья ставяшся на буфетъ и къ кошорымъ всѣ подходять, закусывая

для возбужденія аппетита. Шведъ не стаетъ ни обѣдать, ни завтракать, не закусивъ предварительно.

Въ столовой пракшира, въ которомъ я остановился, я видѣлъ поршреть Исаи Тегнера, перваго нынѣшняго Шведскаго Поэта, который былъ бы однимъ изъ знаменитѣйшихъ. Поэтовъ въ Европѣ, если бы писалъ на языкѣ, болѣе извѣстномъ. Прекрасная его Поэма *Фритгюфъ*, заимствованная изъ одной старинной легенды, возбудила въ его отечествѣ всеобщій восторгъ. Это самое замѣчательное произведеніе литературнаго преобразованія, совершившагося въ слѣдствіе послѣдняго политическаго переворота. Это преобразованіе замѣнило прошивное ириродѣ подражаніе Французскимъ образцамъ, поэзію независимую, почерпаемую изъ живаго источника народныхъ преданій. Новѣйшее поэтическое движеніе началось на Югѣ Европы. Вышедъ изъ Прованса, Италіи, Испаніи, оно распространилось по Франціи и Англіи. Потомъ перешло въ Германію; теперь наступила очередь Сѣвера. Возникнувъ послѣ всѣхъ, Поэзія Сѣвера еще не успѣла ушаръшь и потому опъ нея еще можно чего нибудь ожидать.

Я пробылъ только нѣсколько часовъ въ Ишпадинѣ и неуспрашимо пустился въ Мальмовъ, чтобы перевхашъ опшуда въ Колпенгагенъ, одинъ однихонекъ, не понимая еще нпземнаго языка и не зная Шведской бумажной монеты, которою мнѣ наполнили всѣ карманы въ Грейфсвальдѣ.

На этомъ пути вхалъ я въ первый разъ въ почтовой шельжкѣ — единственное средство перевоза въ Швеціи и Норвегіи для путешественниковъ, у которыхъ нѣтъ своего экипажа. Форма этихъ шельжекъ и сцепенъ ихъ неудобно и измѣняюща въ каждой провинціи. Проѣхавъ около тысячи льё въ Скандинавіи и все въ этихъ шельжахъ, я имѣлъ случай сравнивать ихъ форму и пряску во всѣхъ ихъ измѣненіяхъ. Объявляю торжественно, что Шведскія шельжаки несравненно сноснѣе Норвежскихъ; между ними такая же разница, какъ между свиной и навозной шельгой.

На этихъ шельжахъ всегда есть лавка, иногда висящая на ремняхъ; на ней садиться рядомъ съ мужикомъ, который правитъ. Нередко васъ ввѣряютъ ребенку и часто кучеромъ служилъ женщина. За почтовую лошадь платили въ Швеціи по пяти су на льё, такъ, что за лундоръ можно проѣхать сто льё. Ѣздить весьма скоро; дороги хороши и ихъ содержать не трудно, потому что основаніе почты боесплавляетъ всегда почти границы, и потому что здѣсь нѣтъ тяжелыхъ повозокъ, которые провозятъ по нашимъ Французскимъ дорогамъ такія ужасныя колеи. Лошади, привыкшія къ своей землѣ и совершенно особой породы, дѣлаютъ то, чего въ другихъ мѣстахъ лошади не могли бы дѣлать безъ вреда для себя. Въ гору онѣ обыкновенно идутъ рысью, а подъ гору въ скачъ. Впрочемъ, иначе и невозможно въ такой спра-

нѣ, какъ Швеція, гдѣ граничныя гряды на каждомъ шагу проходятъ чрезъ дорогу и бороздятъ ее. Въ первый разъ, какъ подобный холмъ встрѣнился намъ на дорогѣ, я слышалъ, что ямщики сказали что-то лошади. Я думалъ, что онъ хочетъ заспавить ее ипши ипше; напрошнѣ онъ хотѣлъ ускорить бытъ ея. Я скоро привыкъ къ такой методѣ и она мнѣ очень нравилась. На чистомъ воздухѣ, при теплой погодѣ, я, кашаясь вдоль берега, що быспро вздепалъ на крутизну, шо, еше быспрѣ спускался, посреди порывовъ морскаго вѣтра и оглушительнаго шума волнъ.

Я совершенно не зналъ нутемнаго языка; но это не имѣло для меня никакихъ непріятныхъ послѣдствій и ни сколько не приводило меня въ затрудненіе. Когда я прїѣзжалъ на станцію, ямщики видѣли ясно, что мнѣ нужно лошадей и шопчасъ, безъ моего пребыванія, перекладывали вещи мои на другую шедъжку. Когда приходилось расплачиваться, я вынималъ изъ кармана заначканный и разорванный бумажникъ, въ кошоромъ заключалось все мое богатство; ямщики брали деньги, опсчищывали, приносили сдачи, какъ хотѣли. Я давалъ имъ полную волю, совершенно не зная цѣны эщихъ доскупковъ. Остальное я клалъ въ бумажникъ. Послѣ я справился, сколько я долженъ былъ заплатить: меня не обочли ни на одинъ шеллингъ.

Не много спранъ на свѣпѣ, въ кошорыхъ бы можно было съ такою увѣренностію полагаться на честность низшихъ классовъ, какъ въ

Скандинавіи. Такъ какъ въ Швеціи нѣтъ ни публичныхъ каренъ, ни штрафовъ, то если вы хотите послать значительную сумму на довольно далекое разстояніе, вы должны отдать деньги мужику, которъ донесетъ ихъ до первой станціи; оттуда переключатъ ихъ также до второй и такимъ образомъ, переходя изъ рукъ въ руки, онъ достигнетъ своего назначенія.

Вечеромъ прибылъ я въ Мальмю; на слѣдующій день упрямъ видѣлъ Копенгагенъ и другой берегъ Зунда; но переѣхать проливъ не могъ по причинѣ сильнаго прошивнаго вѣтра; мнѣ безпрестанно говорили, что онъ сей часъ перемѣнится, и я свое сущее продаю этой перемѣны.

Я непрерывно ходилъ смотрѣть на это печальное море, на которомъ не появлялось ни одного паруса и въ задумчивости глядѣлъ какъ капли на его пустой поверхности длинныя гряды львы. Я съ удовольствіемъ также бродилъ по улицамъ Мальмю, уставленнымъ низкими, ровными домами, похожими на Англійскія хижины. Если хочешь получить понятіе о заповорнической жизни Сѣвера, надобно походить по Шведскому приморскому городу въ сильный вѣтеръ, когда всякой сидитъ дома, какъ на кораблѣ, во время бури, въ шлюкъ. Въ три дня, которые провелъ я въ Мальмю, я видѣлъ только мажорсовъ и извоицковъ. Вѣтеръ производитъ тамъ такое же дѣйствіе, какъ жары въ Неаполѣ: городъ кажется необитаемымъ; но на Югѣ, исключая нѣсколько

минуешь, вся жизнь проходитъ на чистомъ воздухѣ, на улицахъ, подъ открытымъ небомъ, на берегу; и замѣчательныя дневныя часы съ избыткомъ вознаграждаются шумными ночными бѣднями. На сѣверъ, запрошивъ шюга, все устроено для жизни въ спѣнахъ. На природу полагаются и рыбы, и люди по неволѣ улаживаются такъ, чтобы обходиться безъ нея. Поэтому каждый изъ этихъ домиковъ, изъ которыхъ не выходилъ никто, подавалъ мнѣ идею о жизни спокойной и привольной; и дѣйствительно, въ каждомъ домѣ, даже въ рыбацкихъ и магросскихъ хижинахъ, въ окнахъ чистыя стекла и за ними бѣлыя занавѣски съ бахромой, украшающія всякое Шведское окно. Внутри домовъ я видѣлъ вездѣ родъ экрановъ, искусно сплетенныхъ изъ соломы и горшки съ цвѣтами.

Наконецъ, въперъ, позволилъ мнѣ переправиться чрезъ Зундъ. Его обыкновенно перевозятъ въ два или три часа, а мы проскучили часовъ восемь, лавируя по проливу; наконецъ при яркомъ солнечномъ свѣтѣ я прибылъ въ Копенгагенъ.

Копенгагенъ какъ бы выходитъ изъ воды. Это городъ правильный, съ прямыми улицами, красивыми домами, широкими площадями; онъ напоминаетъ нѣсколько Берлинъ.

Прежде всего поражаютъ въ Копенгагенѣ слѣды минувшаго величія. Просторный портъ, нынѣ почти пустой, арсеналъ, шеперь безмолвный, были некогда шедевромъ сильной мореход-